

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Д26

Разработка серии и дизайн переплета *А. Саукова*

Редактор серии *А. Антонова*

Под редакцией *О. Рубис*

Д26 **Дезомбре, Дарья.**  
Ошибка Творца : роман / Дарья Дезомбре. — Москва :  
Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-105394-9

В Москве идет охота на красивых людей: погибают актриса, телеведущий, манекенщик... Они никак не связаны между собой, и следствие скоро заходит в тупик: растворяются в тумане наемные киллеры, невинные признаются в убийстве, которого не совершали, а настоящий преступник, напротив, выходит из зала суда за «недостатком улик»...

Это полный провал. Оперативникам с Петровки Марии Каравай и Андрею Яковлеву такая череда неудач в новинку: они не могут отпустить нераскрытые дела и, пытаясь нащупать «корень всех зол», обнаруживают тонкую нить, уходящую в «лихие 90-е», в те времена, когда жертв еще и на свете-то не было...

Давнее преступление, задуманное как благо, оборачивается трагедией, затягивая в свою воронку все больше людей. И это только начало... Чтобы прервать катастрофическую цепь событий, должны погибнуть невинные. И среди них, возможно, Андрей...

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Фоминых Д.В., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105394-9

Бог делает все вещи хорошими, но человек сует в них свой нос и превращает в зло.

*Руссо (1724—1804)*

А если так, то что есть красота и почему ее обожествляют люди?

*Н. Заболоцкий*





## ОТРЫВОК ИЗ ЗЕЛЕННОЙ ТЕТРАДИ

*Лет пять тому назад, где-то через год после смерти матери, я нашел в завалах на антресолях древний чемодан из коричневого кожзама с металлическими уголками. Отпрыгнул, будто все эти годы был наготове, под моими неловкими пальцами железный замочек. Я открыл крышку и замер, как герой «Союзмультфильма» перед сундуком Али-Бабы. Внутри, переложенные свалявившимися комьями желтоватой ваты, лежали советские елочные игрушки: настоящее сокровище. Такие далекие по цвету от современного китайского ширпотреба, они выглядели нежно-изумрудными, апельсиновыми, пунцовыми хрупкими бочками. Серебристая пыль, призванная некогда изображать новогоднюю изморозь, осыпалась в вату. Некоторые оказались чуть побиты, обнаруживая полое нутро: снегурка на прищепке, разнокалиберные шары, домик под снегом и даже пара кукурузных початков — фисташково-зеленый и золотой. Я аккуратно перебирал их, вспоминая.*

*Удивительно, как лишенным жизни старым предметам дано отбросить нас в прошлое: я вспомнил, что кроме игрушек елку украшали тонкой мишурой из фольги и похожим на серебристый ершик «дождиком», а под елку ставился пластмассовый дед-мороз — сто-*

рож подарков, которые неизменно выкладывали для меня взрослые холодным утром 1 января. Я раскатывал по нашей большой комнате в коммуналке на трехколесном велосипеде, мешаясь у матери под ногами: она сновала из кухни в комнату с тарелками студня, которому еще предстояло застыть, «наполеона», которому еще предстояло пропитаться. Я вспомнил звук сечки, яростно шинкующей капусту в деревянной миске, гром противней. Жар, насыщенный запахами пирогов, — из кухни, холод, тянущий морозным озоном, — из форточки. И, чтобы окончательно добить меня ностальгией по невозвратному, чемодан отдал мне свою последнюю драгоценность: в глубине, под слоем ваты, лежали несколько тетрадей по 48 листов, чуть пожелтевших от времени. На обложке, там, где положено писать фамилию, было старательным почерком выведено: «Дневник». Я сглотнул, их перебирая, — я и не помнил, что вел дневник, да еще и так настойчиво — тетрадей было четыре штуки, и каждая пронумерована тонким карандашом матерью: 1, 2, 3, 4. Не решившись листать их сразу, я положил тетради на тумбочку рядом с кроватью: как вечернее чтиво.

Вечером же выяснилось, что дневник был не настоящий, а лишь разновидность «Читательского дневника», который от нас требовали в школе. Но вел я его по институту включительно: перерабатывая и обобщая полученную из книжек информацию. Последняя, четвертая тетрадь была заполнена едва наполовину, дальше шли чистые листы в линейку с отчеркнутыми полями. В тот день, отложив дневники и выключив свет, я еще долго думал о матери, перебирая воспоминания о ней, как те хрупкие елочные игрушки. Как она, накрасив рот, облизывалась привычной кошачьей гримаской, «делясь» алым жирным гляncем с нижней губой,

*или желто-белые полосы на ее махровом халате, уже выцветшем, с торчащими нитками, купленном у золотозубой цыганки где-то на полустанке по дороге к морю. Или вот еще: запах земляничного мыла, которым она перекладывала свои вещи. Такой химический и такой родной.*

*А еще через несколько месяцев и случился наш разговор. И я вдруг взял ту последнюю тетрадь и ручку, всегда лежащую на тумбочке рядом с деловыми бумагами. Открыл на чистой странице, ближе к концу. «Дорогая мама! — написал я и вздрогнул. Почерк, испорченный компьютерной клавиатурой, выглядел совсем чужим. — Я не знаю, как мне поступить, и, к счастью, уже не могу спросить тебя — ты не пережила бы такого вопроса. Мне придется убивать. Я легкомысленно разбросал камни, и вот — пришла горькая пора урожая. Но если я стану убийцей, то не смогу больше обратиться к тебе, даже в мыслях. Поэтому прощай, мама. Теперь уже — навсегда».*

## АЛИСА

Сергей Николаевич коротко нажал на кнопку звонка, чтобы предупредить о своем приходе, и сразу же сам открыл дверь.

— Я дома! — крикнул он в сторону второго этажа, ожидая легких шагов сверху, ее появления в коротком шелковом халате на лестнице. Ликующее всплескивание руками — будто взлетающая птица. Быстрый перебор длинных ног по ковровой дорожке лестницы вниз. Бросок к нему на шею: «Любимый!» Прелесть свежих семейных традиций. Никто никогда не встречал Рудовского с такой радостью, и весь этот пируэт вокруг его прихода был тем, ради чего он и спешил домой. Но се-

годня в доме было тихо — очевидно, Алиса задержалась в институте или в театре. Он разочарованно пожал плечами: обидно, но ничего страшного. Зато будет время приготовить для нее сюрприз — ужин. На неделе едой занималась домработница. Но сегодня суббота — у домработницы выходной, значит, ему и кухарничать.

— Никогда не думала, что мужчина может так вкусно готовить! — говорила ему Алиса, отправляя в красиво очерченный рот очередной приготовленный им деликатес.

И он, как всегда, не мог отделаться от желания снять все это в сильном увеличении на камеру, как рекламный ролик. Алису вообще всю можно было снимать в сильном увеличении, не опасаясь изъяна. И все воспринималось как реклама: реклама ее плеч, пальцев, глаз, волос. Любая драгоценность, любая шмотка, которую он ей дарил, не украшала ее, а напротив: украшалась — ею. С ней можно было снимать всякий жанр: от тупой комедии до фильма ужасов. Сюжет не имел значения, когда она появлялась на экране. Ни на кого больше уже не хотелось смотреть. Думать, что подобная женщина любит его, живет рядом, спит с ним — немолодым мужчиной, пусть и с интересной сединой, — казалось Рудовскому ежедневным чудом. Ничего, что она задерживается, — тем приятнее будет самому встретить ее, снять с нее плащ и туфли на каблуках, помассировать утомленную маленькую ступню и — накормить.

Он вынул из пакета кусок вырезки, которую собирался запечь, азербайджанские помидоры, щедрые пучки регана и кинзы, красный сладкий лук, молодую картошку. Удовлетворенно кивнул. Надо б переодеться: в костюме готовить было не с руки. Рудовский сполоснул руки, вытер их наскоро кухонным полотенцем и поднялся наверх.

В комнате, распахнув дверцы гардеробной, он быстро выбрал футболку и джинсы: модные, с молодежными прорезами на коленях — дань молодой жене. Повесил костюм, бросил, не глядя, рубашку в корзину для грязного белья. Заглянув в зеркало, провел крупной рукой по начинающим седесть, но еще густым волосам. И замер — на белоснежном ковре за огромной постелью торчали ступни ног. Те самые «рекламные» маленькие ступни с красным педикюром, которые он так любил ставить на ладонь. «Алиса!» — крикнул он, мгновенно испугавшись до обморока. И, бросившись к ней, запнулся на ковре, рухнул в ноги — ступни были теплые, на секунду ему показалось, что все в порядке, ну, почти всё, и, обхватив их, он нашел силы поднять голову и взглянуть... туда, где на шелковом розовом халате расплзлось бордовое пятно.

\* \* \*

Тело увезли, и он почувствовал странное облегчение и вместе с тем — острую тоску. Дом опустел навсегда. Он сидел на диване, стараясь не обращать внимания на следы крови на джинсах. Ему вкололи успокоительное, и он был спокоен. Рассеянно глядел, как постепенно темнеет в глубине сада листва, облаком окружающая светлые даже в сумерках березовые стволы. Цветное кино его жизни на глазах превращалось в черно-белое. Напротив него в кресле, которое он занимал обычно сам (а Алиса забиралась с ногами на диван, листая глянцевые журнальные картинки), сидела молодая девушка, по виду лишь на пару лет старше Алисы. Он машинально профессиональным взглядом оценил ее лицо — ненакрашенное, широкоскулое: что-то между Кейт Бланшет и Марией Мироновой. Над ним надо бы поработать —



выщипать брови, нанести грим... А Алисе ничего этого было не нужно. Она и так была прекрасна — кольнуло сердце. Похоже, любая его мысль, как коза, привязанная к кольшку, сделав круг, всегда возвращалась к ней. Он заметил, что девушка пытается незаметно оглядеться, — и сам себе кивнул. Дом был его удачей, главным трофеем, пока не появилась Алиса. Хорош — всего два этажа, перетекающие одно в другое большие пространства. Стены выкрашены в натуральные цвета: терракота, бежевый, жемчужно-серый. И огромные окна.

— Оля хотела, чтобы дом растворялся в окружающем пейзаже, сливался с ним, — сказал он вслух, а девица замерла. Судя по растерянному выражению на лице, решила, что он спутал имена. — Оля — моя первая жена, — пояснил Рудовский.

— Вы в разводе? — Девица чуть напряглась.

— Я — вдовец, — кратко ответил он, и его пере-дернуло от осознания, что он вдовец уже дважды. И быстро продолжил: — Оля попала в аварию в гололед, не справилась с управлением машины. Мы жили с ней в этом доме восемь лет. И полгода — с Алисой.

«Счастливейших полгода», — добавил он про себя.

— Расскажите, пожалуйста, про вашу жену. — Девица явно смущалась своей настойчивости. Она, похоже, ничего не поняла: он хотел говорить про Алису. Просто боялся захлебнуться словами и слезами, но если она настаивает...

— Не знаю, кто мог бы желать ей зла, — начал он с банальности. Но разве банальность не может быть правдива? — Какая-то нелепость. Очевидно, нас хотели обокрасть, вор сумел усыпить ее бдительность. Это несложно — Алиса доверчива, как ребенок. Доброжелательна к миру, хотя из очень проблемной семьи. В девяностых, когда она родилась, едва ли не нищенство-

вали. — Рудовский сглотнул. Голос дрожал, но не срывался — уже слава богу. — Родители были против того, чтобы она шла в театральный. Но Алиса настояла, и ее, конечно, сразу же взяли. Мы с Потемушкиным, режиссером, присмотрели ее, когда собрались снимать фильм по Тургеневу. Алисе тогда едва исполнилось девятнадцать. От нее нельзя было глаз отвести. Потом... — он вздохнул, — я брал ее на все проекты, которые снимал. В принципе, ей можно было ничего не делать в кадре, но она еще и отличная актриса. И жена... — Он вновь отвернулся к окну, поглядеть на тонкие березовые стволы под светлым июньским небом, выдохнул, сдержал рыдание. Дал себе полминуты, чтобы выровнять голос.

— Вы вот, наверное, думаете, какая избитая по нынешним временам история — юная девушка, муж, старше ее в два раза? — Он усмехнулся, глядя на девицу с Петровки. Она смотрела на него со спокойным вниманием. — А ведь у нас была настоящая любовь, и нежность, и понимание, когда и слов не нужно. Собирались сделать четверых детей — с Олей у меня детей не получилось. Сначала берегла фигуру, а потом... — Он махнул рукой. — А Алисе было наплевать на фигуру. Она хотела отказаться от проектов, которые ей предложили после «Вешних вод», — только бы больше времени проводить со мной. Я был против — не желал казаться Кощеем, чахнувшим над своим сокровищем, стареющим ревнивцем... Да и к кому ревновать-то?

— Понимаю, — кивнула девица, будто и правда могла что-то понять. А потом, заглянув в свои записи, спросила: — Алиса ведь еще занималась благотворительностью?

— И как успевала? — Рудовский покачал головой. — Все гонорары свои перечисляла в этот фонд. Вечно бе-

гала туда, что-то выбивала, играла с детьми в больницах...

Рудовский кивнул на фотографию, стоящую на журнальном столике: Алиса, в кружевном платье, обнимала скорчившегося в кресле ребенка. Маленькое сморщенное личико мальчика почти неприлично контрастировало с Алисиным. Он отвернулся. Убогий мальчонка с фотографии был жив, а его Алиса... Девица, слава богу, поняла, что пора откланяться. Встала, забрала сумку:

— Большое спасибо, что уделили мне время.

— Не за что. — Он тяжело поднялся с дивана и добавил, вновь банальное: — Это ваша работа.

Он прошел за ней в прихожую — через открытую дверь кухни был виден натюрморт кулинара: мясо, помидоры, кинза. Еще пару часов назад он хотел приготовить ужин, а сейчас жизнь его закончилась. Рудовский отвернулся, заставив себя смотреть на русую макушку оперативницы: стоит ли ей рассказать про Алисину записную книжку? И решил — не стоит. К убийству те непонятные цифры явно не имеют отношения, а тогда зачем? И он галантно открыл перед ней тяжелую входную дверь. Девица обернулась: брови нахмурены, смотрит с жалостью.

— Вы точно не хотите вызвать кого-нибудь из семьи, чтобы не оставаться одному?

Она так ничего и не поняла.

— Алиса была моей семьей, — сказал он, — и кого ни вызывай, все равно я один. Знаете, — он усмехнулся, — я эгоистично радовался, что она младше меня, потому что был уверен — Алиса меня похоронит, будет в последние дни держать за руку, и мне не придется жить без нее. Простите.

И, не выдержав, он захлопнул тяжелую дверь прямо перед ее носом.

## АНДРЕЙ

Андрей выслушал Машины речи о большой и чистой любви, посетившей продюсера Рудовского, сорока восьми лет, с некоторым недоверием. Но Маша была непреклонна: от Рудовского шла волна такого отчаяния, что хотелось как можно быстрее уйти из этого дома. Девушке было жаль, но еще жальче оказалось этого большого полуседого мужчину.

— Не знал, что ты так сентиментальна, — поддел ее он, но не сильно. Он сам был сентиментален, когда дело касалось Маши. — Значит, первый подозреваемый — муж — точно не замешан?

— Точно никто не знает, — философски заметила Маша, — но все-таки маловероятно.

— Любовник?

— Муж говорит, что нет, — пожала плечами Маша. И сама же кивнула, мол, знаю-знаю. — Но муж всегда узнает все последний.

— Вот-вот. — Андрей щелкнул ее по носу. — Давай-ка разделимся: я поеду в театр, а ты позвони... — Он глянул в записи: — В благотворительный фонд «Спаси жизнь».

— Хочешь подышать воздухом закулисья? — улыбнулась Маша. — Увидеть актрис в неглиже?

Но Андрей даже не счел нужным отвечать на безусловную провокацию: сгрэб Машу в охапку, поцеловал строго так, по-товарищески, в губы (все-таки отлично, что она не красится) и пошел себе в Театр им. Чехова.

\* \* \*

Воздух закулисья оказался пыльным, а вид закулисья — тоскливым. Театр, расположенный в одном из арбатских переулков, был явно на последнем издыхании: